

НА ПОЛЕОНОВСКІЕ ОТЗВУКИ.

(Взглядъ на толкованіе нѣмцами французской военной литературы о Наполеонѣ).

(Окончаніе ¹⁾).

Вослѣдуемъ за критикомъ къ отдѣлу «Стратегическій маршъ-маневръ» (*Vormarsch*).

«По вопросу о стратегическомъ маршѣ-маневрѣ во Франціи рѣзко противопоставляются нынѣ два взгляда. Одинъ, сильно приближающійся къ нашему нѣмецкому взгляду, выдвигаетъ необходимость широкаго фронта. Истолкователемъ этого взгляда на первомъ мѣстѣ является Кеслеръ ²⁾. Онъ говоритъ: «Старое правило—вмѣстѣ драться и врозь идти нынѣ все также дѣйствительно». Совершенно обратно выражается Бонналь: «Съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ старое выраженіе—врозь идти, вмѣстѣ драться,—отпадаетъ». Бонналь принадлежитъ къ тѣмъ особаго взгляда истолкователямъ, которые считаютъ, что при широкомъ фронтѣ нѣтъ способовъ измѣнять направленіе движенія (мѣнять фронтъ) и обосновываютъ такой взглядъ на словахъ Наполеона: «Побѣда принадлежитъ маневрирующимъ войскамъ» (*la victoire appartient aux armées qui manoeuvrent*). Для того же,

¹⁾ См. № 6 «Воен. Сборн.» 1912 г.

²⁾ Kessler. „Tactique des trois armes“ Paris 1902.

чтобы маневрировать, нуженъ узкій, расчлененный въ глубину порядокъ. «Карееобразное построение» (bataillon carré) 1806 года—вотъ разрѣшеніе вопроса. Жильберъ ³⁾ съ воодушевленіемъ провозглашаетъ: «Карее, то-есть сосредоточеніе силъ и глубокое построение, есть построение маневренное» (le carré, c'est à dire la réunion des forces, l'ordre profond, l'ordre de manœuvre).

Если мы хотимъ каждому изъ приведенныхъ взглядовъ отвести свое мѣсто, то должны, при изслѣдованіи, исходить отъ двухъ точекъ зрѣнія: 1) такъ-ли часто, въ дѣйствительности, Наполеонъ прибѣгалъ при движеніи къ узкому фронту, чтобы было основаніе возводить это въ правило? (критико-историческое изслѣдованіе); 2) можемъ ли мы, совершенно отрѣшась отъ того, каковъ будетъ отвѣтъ на первый вопросъ, принять въ настоящее время за правило—движеніе въ узкомъ сосредоточенномъ порядкѣ? (стратегико-тактическое изслѣдованіе).

Критико-историческое изслѣдованіе для насъ существенно облегчено вышедшими работами Фрейтага-Лорингофена и Крауса, которые неоспоримо доказываютъ, что Наполеонъ никогда не возводилъ въ правило движенія узкимъ фронтомъ.

Мы можемъ сослаться на слова одного баварскаго знатока военной исторіи ⁴⁾: «Кто возьметъ на себя трудъ изучить наполеоновскіе оперативные фронты съ циркулемъ въ рукахъ, у того не останется сомнѣнія, что императоръ Наполеонъ питалъ уваженіе ко всякой удобопроходимой дорогѣ, дававшей ему возможность сразу всѣми силами двигаться широкимъ фронтомъ».

Указаніе на извѣстныхъ нѣмецкихъ авторовъ освобождаетъ насъ отъ необходимости приводить еще и другіе примѣры ⁵⁾. А что и во Франціи также сомнѣваются въ наполеоновскомъ принципѣ по самому его существу, это слѣдуетъ изъ многихъ прямыхъ заявленій. Что наполеоновское карее будто бы обезпечиваетъ оперативную безопасность, этой мыслью больше всего порождено желаніе искать нынѣ въ Наполеонѣ исторической поддержки. Такъ, Кеслеръ пишетъ о приверженцахъ карее: «Они самоувѣренно раз-

³⁾ G. G. „Sept études militaires“. Paris 1893. Такія же мѣста имѣются у Боналя въ его „Manœuvre d'Éna“ и особенно у Rousset „Les maîtres de la guerre“.

⁴⁾ Vruninger. Kriegsgeschichtliche Legenden und ihre Auflösung durch die neueste Forschung“ (военно-историческія легенды и ихъ объясненіе по новѣйшимъ изслѣдованіямъ) Munchen. 1904.

⁵⁾ Сравните также замѣтку составителя въ „Jahrbücher für Armee und Marine“. ¹/₂ 1910.

считываютъ обрѣсти доказанныя опытомъ (эмпирическія) формулы и непоколебимые порядки для одержанія успѣха».

Тутъ старая борьба между духомъ и формой, и потому анонимный писатель въ «Revue des deux mondes», предостерегающе заявляетъ, что Наполеону подражаютъ чисто схематически.

Ланглуа въ своей извѣстной книгѣ «Consequences tactiques» примѣняетъ теоретическіе выводы къ практикѣ. Армія Ланглуа двигается въ основаніи по-наполеоновски, но въ дѣйствительности съ самаго начала пренебрегаетъ тѣмъ, что у Наполеона *тѣсное сосредоточеніе являлось концомъ стратегическихъ передвиженій и началомъ тактическихъ дѣйствій* ⁶⁾, тогда какъ Бонналь, Ланглуа и друг. принимаютъ тѣсное сосредоточеніе за способъ стратегическаго марша-маневра и, въ своемъ усердіи, даже считаютъ этотъ способъ наудобнѣйшимъ. Наполеонъ во всемъ этомъ, по большей части, самъ виноватъ. Вѣдь онъ самъ вездѣ расписывалъ, какъ держалъ свои силы кучно и съ ними все сокрушалъ. По остроумному выраженію вышеназваннаго баварскаго военнаго писателя: «императоръ не представляется иначе, какъ прорѣзывающимъ поля Европы во главѣ могучихъ каре».

Мы хотимъ теперь совершенно оставить эту историческую исходную точку и будемъ лишь выяснять, что получилось бы изъ современной намъ арміи, если бы она двинулась тѣмъ же порядкомъ, какъ наполеоновская въ 1806 году. При переносѣ наполеоновскаго походнаго порядка въ современныя условія часто упускается изъ виду, что протяженіе походной колонны главныхъ силъ въ 1806 году не можетъ никоимъ образомъ сравниться съ теперешнимъ. Въ 1806 году во всей арміи насчитывалось 2.805 повозокъ, т. е. нѣсколько болѣе числа повозокъ одного нынѣшняго нѣмецкаго армейскаго корпуса.

Наполеоновскія главныя силы 1806 года, въ настоящее время, имѣли бы съ собой и за собой 15.800 повозокъ. По дорогѣ Байрейтъ-Гера двигалась бы колонна длиною въ 117 км. И въ проектѣ Мольтке отъ 16-го ноября 1867 года допущенъ на нѣкоторые дни еще болѣе узкій стратегическій маршъ. Для небольшого числа дней это вполнѣ возможно, но на продолжительное время безусловно невыполнимо, и всякое теоретическое разыгрываніе подобнаго рода шахматныхъ ходовъ явится лишь забавой.

⁶⁾ Не разъ навсегда, ибо и Наполеонъ выполнялъ рядъ концентрическихъ операцій для сосредоточенія на полѣ сраженія.

Книга Ланглюа не смущается продовольствіемъ и подвозомъ огнестрѣльныхъ припасовъ для своей арміи. Если солдатамъ совсѣмъ не давать ѣсть и не снабжать ихъ патронами и снарядами, то можно дѣлать все, что угодно. По словамъ Мольтке, должно считаться не съ желаніями, а съ данными величинами. И работа французскаго генеральнаго штаба (по описанію войны 70—71 гг.) не свободна отъ нѣкоторой легкости въ толкованіи того же вопроса. Такъ, напримѣръ, высшему французскому командованію предлагается 2-го августа 1870 г. задача: выдвинуть пять армейскихъ корпусовъ Рейнской арміи къ р. Сааръ; 3-го августа разбить 1-ю нѣмецкую армію; преслѣдовать ее однимъ корпусомъ; одинъ армейскій корпусъ отправить къ проходамъ Гардскихъ горъ; съ остальными тремя корпусами повернуть назадъ и, совершивъ переходъ черезъ Вогезы, ударить во флангъ третьей нѣмецкой арміи, временно сдерживаемой Макъ-Магономъ.

Не останавливаясь, за ограниченностью объема статьи, на всестороннемъ изслѣдованіи причинъ невозможности выполненія такой операціи, достаточно представить себѣ тыловыя сообщенія упомянутыхъ армейскихъ корпусовъ и всѣ трудности по обслуживанію войскъ и обозовъ послѣ большого сраженія (3-го августа), чтобы ясно понять, что о наполеоновской быстротѣ операцій не можетъ быть и рѣчи.

Также точно, только по внѣшности, схожъ съ осново-положеніями наполеоновскаго ученія и планъ Бонналя.

Чтобы возмѣстить медленность французской мобилизаціи, Бонналь проектируетъ вторгнуться въ нѣмецкій Пфальцъ сильнымъ немобилизованнымъ армейскимъ авангардомъ, въ то время, какъ мобилизованная армія будетъ идти далеко позади. Наступательный армейскій авангардъ естественно не имѣетъ никакихъ запасовъ обозовъ и транспортныхъ колоннъ.

Но Бонналь этимъ не смущается: «съ деньгами обозы можно создать». Здѣсь онъ защищаетъ наполеоновскія импровизаціи. Но съ какими чрезвычайными трудностями приходилось сталкиваться наполеоновской арміи, которая очень уступала по величинѣ современнымъ, и какъ *самъ* Наполеонъ свидѣтельствуетъ, что только постоянный быстрый успѣхъ хранилъ его отъ большого несчастія! На этомъ французы не останавливаются. Когда Бонналь говоритъ: «нужно настойчиво возражать противъ мысли, что будто бы нельзя начинать кампанію, пока не прибыли всѣ предназначенныя для нея средства и пока у cadaго человѣка не будетъ въ наличіи весь

его боевой запасъ», мы можемъ лишь пожелать, чтобы въ будущей войнѣ французское высшее командованіе подчинилось этому мнѣнію.

Вполнѣ правильно отмѣчаютъ французы то громадное преимущество, какое имѣлъ Наполеонъ предъ своими противниками, пользуясь, главнымъ образомъ и прежде всего, средствами страны. Но только они забываютъ, что то, что тогда было вопросомъ свободнаго *усмотрѣнія*, нынѣ сдѣлалось вопросомъ условной *возможности*. Придерживаясь того принципа, что армія можетъ жить на счетъ страны — они всетаки не имѣютъ мужества открыто отказаться отъ значенія тыловыхъ путей сообщенія. Нынѣ, при всевозрастающей численности войсковыхъ массъ и при томъ условіи, что средняя Европа нуждается въ подвозѣ сельскохозяйственныхъ продовольственныхъ припасовъ, жизнь на счетъ страны имѣетъ также свой предѣлъ. Наконецъ, если въ странѣ и имѣются средства, то при быстрыхъ передвиженіяхъ не всегда хватаетъ времени собрать эти средства. Кромѣ того, вопросъ о питаніи огнестрѣльными припасами нынѣ несравненно важнѣе и тяжелѣе, нежели прежде. Отнятые у противника снаряды не всегда можно использовать; приготовленіе же снарядовъ и патроновъ (бумажныхъ), раньше возможное почти полевыми средствами, нынѣ вовсе недопустимо. И у насъ вѣдь существуетъ серьезное желаніе производить быстрыя операціи и поставить себя въ возможную независимость отъ тыловыхъ сообщеній, но достигнуть этого нельзя, игнорируя трудности; напротивъ, необходима тщательнѣйшая подготовка тыла, такъ какъ, чѣмъ больше мы импровизируемъ, тѣмъ больше зависимъ отъ этаповъ. Несмотря на это, можно, однако, согласиться съ Фрейтагъ-Лорингофеномъ, когда онъ говоритъ: «хотя арміи и возрастаютъ, нельзя же все время только и твердить о томъ, что онѣ черезчуръ перегружены продовольственнымъ обозомъ». Но отъ этого предостереженія до игнорированія самаго необходимаго большаго шагъ.

Оспариваемый выводъ французскаго изслѣдованія отходить отъ исторической истины. Когда говорятъ, что Наполеонъ не обезпечивался трудностями продовольствованія, нужно тутъ же вспомнить съ какой заботливостью онъ подготавливалъ свои походы въ продовольственномъ отношеніи и какъ даже политика должна была сообразоваться съ тѣмъ, былъ ли театръ войны подготовленъ въ указанномъ отношеніи; равнымъ образомъ, какъ Наполеону помогало то, что онъ почти всѣ свои подготовительныя операціи вы-

полнялъ въ предѣлахъ союзныхъ странъ. Наконецъ, развѣ та же мысль не подтверждается словами самого Наполеона, который пишетъ 12-го марта 1807 года: «Судьба Европы и всѣхъ расчетовъ поминутно зависитъ въ большой мѣрѣ отъ вопросовъ продовольствія. Если бы только я имѣлъ хлѣбъ, разбить русскихъ было бы дѣтской игрой». Такъ какъ же послѣ того можно утверждать, что Наполеонъ игнорировалъ вопросъ о продовольствіи и соотвѣтствующей подготовкѣ тыла?

Кажется, Эндрессъ напрасно обрушивается на французовъ за ихъ пристрастіе къ узкому наступательному фронту. Преимущества такого построения очевидны. Весь вопросъ только въ возможности его осуществленія. При Наполеонѣ этотъ вопросъ тоже зависѣлъ не отъ одного только усмотрѣнія. Наполеонъ *создавалъ* возможность идти узкимъ фронтомъ. При современныхъ техническихъ средствахъ такое созданіе легче и необходимѣе въ силу существованія миллионныхъ армій.

Эти арміи вообще, если взять полосу вторженія французовъ и нѣмцевъ равной протяженію ихъ границы, не могутъ даже двинуться на особенно широкомъ фронтѣ. Въ 1806 году Наполеонъ шель съ 200-тысячной арміей на фронтѣ въ 40 верстъ (Гофъ-Заальфельдъ); 5 тысячъ человекъ приходилось на 1 версту фронта. Вся Франко-германская граница нынѣ 300 верстъ.

Подобной ширины фронтъ наступленія при расчетѣ 5 тысячъ на версту потребуеъ лишь 1.500,000 войскъ. Германія и Франція располагаютъ нынѣ большими силами, и такимъ образомъ фронтъ ихъ наступленія въ первый періодъ кампаніи прямо-таки *не можетъ быть* построенъ шире, чѣмъ у Наполеона въ 1806 году.

Далѣе критикъ останавливается на вопросѣ о «*стратегической оборонѣ*».

«Мы уже упоминали, что, въ дѣлѣ стратегической обороны, французы хотятъ, и это вполне правильно, также съ вѣрностью слѣдовать за Наполеономъ въ его образѣ дѣйствій 1813—14 годовъ. Негріе пишетъ, что слѣдуетъ обороняться, переходя непрерывно къ контръ-атакѣ» (*en contreattaquant sans cesse*).

Уже изъ 1813 года вполне ясно слѣдуетъ, что очень большая армія, ведя тактическія операціи изъ центрального расположенія противъ оперирующихъ по внѣшней линіи, находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ небольшая армія, и, по сравненію съ послѣд-

ней, нуждается въ значительно большемъ пространствѣ, дабы быть въ состояніи не допустить себя до столь опаснаго тактическаго окруженія. Здѣсь крупнѣйшую роль играетъ маневренная зона, которая, согласно французскаго ученія о веденіи операцій, представляетъ возможность производства охватывающаго удара. Соответствіе этой полосы есть обязательное условіе успѣха дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Но большія трудности, заключающіяся въ соединеніи стратегическаго наступленія съ тактической обороной, побуждаютъ французовъ примѣнять оборону въ дѣйствіяхъ главной арміи до той лишь поры, пока не закончится сосредоточеніе. Тактическая оборона отбрасывается всѣми авторами тамъ, гдѣ ищутъ рѣшенія. Фошъ излагаетъ невыгоды обороны съ такой точностью, что это изложеніе больше походить на діалектическій кунштюкъ, все же до извѣстной степени интересный ⁷⁾). Бонналь пишетъ кратко: «пассивная оборона можетъ вести только къ смерти, послѣ безнадежной, болѣе или менѣе продолжительной борьбы (агоніи)».

Этимъ онъ подходитъ, какъ вся современная французская литература, къ важному для насъ окончательному выводу: *«какая бы война ни велась, она всегда должна быть войною подвижной, а не позиціонной»*. Подобной точкой зрѣнія французская литература оберегаетъ свое пониманіе наполеоновскихъ операцій отъ событий Русско-японской войны и дѣлаетъ хорошо. Для насъ Наполеоновская стратегія все еще болѣе современна, чѣмъ стратегія названной позиціонной войны.

Къ стратегической оборонѣ прибѣгаютъ нынѣ лишь временно, въ силу необходимости; того же правила придерживался и Наполеонъ, избѣгая продолжительной обороны. Состояніе временной обороны, какъ на примѣръ, при дѣйствіяхъ во время осады Мантуи или передъ Аустерлицемъ, французы мѣтко называютъ *«стратегическимъ выжиданіемъ»* (attente stratégique). Въ своемъ чрезмѣрномъ восхищеніи предъ великимъ мастеромъ военнаго дѣла они видятъ въ этомъ стратегическомъ выжиданіи идеаль стратегическаго положенія, съ чѣмъ въ дѣйствительности никакъ нельзя согласиться. Наоборотъ, оно, въ лучшемъ случаѣ, есть прямо-таки непріятное вынужденное положеніе, изъ котораго только геній Наполеона выходилъ *легко, какъ бы играя*. Къ тому же подъ Аустерлицемъ ошибки противниковъ сыграли болѣе рѣшительную роль, чѣмъ выгоды стратегическаго положенія Наполеона.

⁷⁾ Foch. «Les principes de la guerre», стр. 31. Paris, 1903.

Затѣмъ стратегическая оборона допускается французами еще какъ способъ веденія войны на второстепенномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Но и здѣсь также, при ссылкѣ на наполеоновское ученіе, послѣднее связывается съ дѣйствіями въ Италіи въ 1805 и 1809 гг. Фошъ въ своихъ «Принципахъ войны» (*Les principes de la guerre*) заявляетъ, что будто бы чистая оборона есть изобрѣтеніе Карно, а Наполеонъ лишь одобрилъ ее маневрами; такое заявленіе невѣрно во всякомъ случаѣ въ отношеніи Карно. Уже войны Фридриха даютъ рядъ примѣровъ оборонительныхъ операцій. Выжидательный бой сдѣлался сравнительно существенной принадлежностью обороны лишь вслѣдствіе современнаго вооруженія, именно скорострѣльной артилеріи.

Въ отдѣлѣ «*Стратегическая оборона*» Эндресъ почти не возражаетъ противъ основныхъ положеній французскаго ученія, если не считать за разногласіе нѣкоторыхъ его замѣчаній о преувеличенномъ значеніи, какое придаютъ французы стратегическому выжиданію, и о томъ, кто первый примѣнилъ чистую оборону и выжидательные бои: Фридрихъ или Карно.

Для насъ, русскихъ, гораздо важнѣе отмѣтить здѣсь пренебрежительный отзывъ критика о Русско-японской войнѣ, выразившійся въ мысли, что будто бы наполеоновская стратегія болѣе современна для нихъ (очевидно для французовъ), нежели стратегія названной позиціонной войны. Во-первыхъ, тутъ кроется поклепъ на наполеоновскую стратегію, за которой признается возможность быть иногда и не современной, а, во-вторыхъ, наша послѣдняя война совершенно неправильно отнесена къ разряду позиціонныхъ войнъ.

Къ такому обманчивому заключенію обыкновенно приходятъ, беря два своеобразныхъ явленія нашей послѣдней войны, а именно: обширность пространства, занимаемаго войсками по фронту, и продолжительность боевъ; но, какъ извѣстно, тѣ же явленія сопровождали и, такъ называемыя, «позиціонныя» войны XVII и XVIII столѣтій. Правда, это сходство лишь внѣшнее. Сущность же измѣненія общаго вида современнаго боя, по сравненію съ боями прошлаго столѣтія, заключается въ томъ, что нынѣ непосредственное вліяніе мѣстнаго успѣха на одномъ пунктѣ поля битвы не отражается на ближайшихъ участкахъ боевого фронта съ той быстротой (иногда въ тотъ же день) и въ такой же степени, какъ раньше, когда даже не испытывшимъ неудачи войскамъ становилось невозможнымъ удерживать за собою поле сраженія; это

является прямымъ слѣдствіемъ усовершенствованія дальности и скорострѣльности огнестрѣльнаго оружія.

Говорить, что Русско-японская война была по преимуществу войной позиціонной нельзя при тщательномъ изученіи событій. Такъ, безпристрастный наблюдатель, австріецъ Бачани ⁸⁾ говоритъ: «Главнѣйшій изъ приводимыхъ обыкновенно доводовъ, что это была преимущественно позиціонная война, при тщательномъ ея изученіи отпадаетъ».

Операція въ октябрѣ 1904 г. (бой на Шахэ) является въ тактическомъ отношеніи чисто встрѣчнымъ боемъ и вслѣдствіе этого со стороны своего оперативнаго плана и тактическаго выполненія представляетъ настоящую сокровищницу для поучительныхъ наблюдений. Точно также развитіе операцій подь Лаояномъ, на правомъ берегу Тайцзыхэ, равно какъ и подь Мукденомъ, на западномъ фронтѣ, отнюдь не находилось въ такой сильной зависимости отъ наличности полевыхъ укрѣпленій, чтобы ихъ можно было считать потерявшими характеръ полевыхъ боевъ. Наконецъ сраженіе у Вафангоу также не можетъ быть отнесено къ разряду позиціонныхъ боевъ».

Къ этому мнѣнію австріяца можно добавить, что къ встрѣчнымъ боямъ можно отнести и все сраженіе подь Мукденомъ: русскіе были застигнуты японскимъ наступленіемъ въ періодъ заканчивавшейся подготовки къ переходу въ наступленіе, т. е. расположеніе (группировка) русскихъ войскъ имѣло наступательный видъ. Стратегически, слѣдовательно, нашему готовившемуся наступленію было противопоставлено японское наступленіе.

Со «стратегической обороной» близко соприкасается разбираемое въ слѣдующей главѣ «*Стратегическое развѣдываніе и охраненіе*».

Стратегическая служба обезпеченія входитъ въ рядъ мѣръ, которыя, по своей природѣ, являются оборонительными и не могутъ прерываться, пока идетъ операція. Это обезпеченіе составляетъ противовѣсъ неизвѣстности военнаго времени, которую Фошъ называетъ «закономъ войны» (la loi de la guerre). Но форма, въ которой примѣняется нынѣ этотъ противовѣсъ, у французскихъ писателей носитъ особенный характеръ. Главную роль при этомъ играетъ кавалерія, но примѣненіе ея и по способу и по средствамъ, совершенно отличается отъ того, что имѣетъ мѣсто въ Германіи.

⁸⁾ Въ своемъ трудѣ «Сраженіе». Изданіе отдѣла генераль-квартирмейстера главнаго управленія генеральнаго штаба стр. 2.

Французскій полевой уставъ даетъ только общія отправныя точки, такъ что ясная картина возстанавливается по литературнымъ очеркамъ и по примѣненію на практикѣ. Прежде всего нужно отмѣтить, что французы упустили изъ виду вліяніе театра войны на ужасающія потери и незначительную продуктивность работы, проявленной наполеоновскими кавалерійскими корпусами въ 1812 году. Выходитъ, что какъ будто самъ по себѣ кавалерійскій корпусъ, какъ организаціонная единица, былъ виною такой неуспѣшности. Однако, раздаются и умѣренные голоса, которые, подобно намъ, отмѣчаютъ, что, при случаѣ, можетъ быть выгодно сведеніе крупныхъ кавалерійскихъ подраздѣленій подъ одно общее командованіе.

Замѣтна всюду зарождающаяся тенденція придавать кавалеріи пѣхоту или выдѣлять массу кавалеріи въ армейскій авангардъ. Стремленіе къ этому получило официальное подтвержденіе въ ходѣ маневровъ 1907 года ⁹⁾.

Основаніе такого взгляда, кромѣ ясно выраженнаго страха предъ нѣмецкой пиконосной кавалеріей, кроется еще въ слишкомъ дешевой оцѣнкѣ пользы, приносимой независимой кавалеріей. Кавалерія Наполеона, дурно ѣздящая и дурно веденная, дала отрицательный результатъ, а потому воспоминаніе о наполеоновскомъ времени отражается и на нынѣшней организаціи этого рода войскъ.

До 1907 года во Франціи, въ качествѣ тяжелой кавалеріи, являлись 1-я, 5-я и 7-я кавалерійскія дивизіи; остальные же четыре дивизіи составляли легкую кавалерію. Соотвѣтственно этому раздѣленію предполагалось также и примѣненіе дивизій осуществлять въ наполеоновскомъ духѣ: тяжелыя дивизіи образовывали боевую кавалерію, а легкія предназначались къ стратегической службѣ развѣдыванія. Лишь въ 1907 году порвали съ этой устарѣлой традиціей, составивъ каждую дивизію на половину изъ тяжелой и на половину изъ легкой кавалеріи. Но все же еще, какъ кажется, хотятъ тяжелую кавалерію при атакахъ выдвигать въ голову, а потому и нынѣ выраженіе «единая» кавалерія не вполне примѣнимо на практикѣ. Здѣсь ясно усматривается наполеоновская традиція, въ сущности утратившая право на существованіе.

⁹⁾ Собственно въ преслѣдованіи Наполеонъ (Ульмъ, 1805 годъ, и въ 1806 году на сѣверъ отъ Берлина) примѣнялъ кавалерію въ значительной степени независимую. Плохая работа англійской кавалеріи въ Бурскую войну также не прошла безъ вліянія на приводимый взглядъ во Франціи.

§ 19 французскаго полевого устава предоставляет свободу—придавать ли кавалерійскимъ дивизіямъ пѣхотныя части или нѣтъ; французская же литература возводитъ эту придачу въ непремѣнное обязательство. Особенно увлекается Ланглуа. Ясно, какое разочарованіе принесутъ подобные отряды, далеко выдвинутые передъ фронтомъ и флангомъ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно стремленіе повсюду быть безусловно обезпеченнымъ, что приводитъ къ разброскѣ силъ, поражающей каждого, кто прочитываетъ французскіе отчеты о маневрахъ или соотвѣтственныя работы французскихъ писателей. Признаніе такой системы является лишь плодомъ воображенія изобрѣтателей. Ибо обезпеченность наполеоновскихъ армій покоилась на общей группировкѣ силъ, а не на одной завѣсѣ изъ отрядовъ. Наполеонъ никогда не жертвовалъ въ пользу охраненія подвижностью, которой несомнѣнно грозитъ опасность, при подобной системѣ выдѣленія отрядовъ. Кажущееся чудесное дѣйствіе прикрывающихъ отрядовъ лишаетъ мышленіе французовъ всякой логики; они больше не сознаютъ главнаго фактора стратегической обезпеченности, состоящаго въ неуклонномъ сохраненіи собственной инициативы. Напримѣръ, Фошъ пишетъ относительно арміи Наполеона въ началѣ 1796 года: «она, дѣйствительно, была прикрыта на всѣхъ направленіяхъ», и, хотя онъ нѣсколькими страницами выше правильно замѣчаетъ: «движеніе есть законъ стратегіи»,—въ его работѣ не выяснено главное, а именно, что Наполеонъ прикрывался ударомъ. При чтеніи остается такое впечатлѣніе, что Наполеонъ постоянно побѣждалъ потому, что былъ отовсюду прикрытъ. Это очень нехорошее заблужденіе для военно-историческаго изслѣдованія.

Ланглуа, желая доказать чудесное дѣйствіе отдѣльныхъ отрядовъ, разыгрываетъ дневную операцію, въ теченіе которой нѣмцы дѣлаютъ ошибку за ошибкой, а французы работаютъ почти по сказочному гладко; въ продолженіе операціи французская армія не пьетъ, не ѣстъ, но неизбѣжно готовится къ Седану, разъ только предъ ней будетъ не такой ограниченный врагъ, какимъ принимаетъ Ланглуа «синюю» армію. Пусть Ланглуа забавляется; подобная забава стратегически ничего не доказываетъ. Мы можемъ только пожелать въ будущей войнѣ встрѣчи съ такой «красной» арміей Ланглуа.

Совершенно подобно отношеніе его и къ армейскимъ авангардамъ. Ихъ дѣе- или бое-способности тутъ не нужно обсуждать, но достаточно лишь подобрать примѣры, подтверждающіе, что Напо-

леонъ примѣнялъ авангарды отнюдь не иначе, какъ это понимаютъ французы. Наполеонъ 7-го іюня 1809 года писалъ Евгенію Богарне: «дивизія въ 9—12 т. чел. можетъ быть на *1 часъ* оставлена въ отдѣлѣ безъ опасенія», и это изолированіе, по французскому ученію о возможности выдвигенія далеко впередъ армейскихъ авангардовъ, принимается уже за нѣчто, долженствующее служить образцомъ для подражанія. Заблужденіе противника, на которое французы возлагаютъ такую большую надежду, прекратится съ той минуты, когда онъ замѣтитъ, что эти авангарды продвигаются все дальше и дальше безъ всякой надобности, а лишь для выполненія одной *системы*.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ Наполеонъ примѣнялъ армейскіе авангарды (число такихъ случаевъ весьма ограничено), ему въ томъ, какъ напримѣръ подъ Дрезденомъ, помогать въ рѣшительной мѣрѣ самъ противникъ своимъ вялымъ образомъ дѣйствій. Дрезденъ долженъ былъ, по справедливости, пасть за день до сраженія. Бонналь упоминаетъ, будто Наполеонъ, при переходѣ Заалы въ 1806 г. двумя стратегическими авангардами, имѣлъ въ виду, что они взаимно должны поддерживать другъ друга; но на это приходится возразить: Даву *предстоялъ* полный разгромъ, если бы прусское высшее командованіе не проявило полной инертности. Благодаря подобному способу наступленія, Наполеонъ только потому не пострадалъ, что составилъ себѣ невѣрную картину положенія, будто подъ Іеной вся прусская армія и поэтому можно считать Даву внѣ опасности. Объясненіе Наполеона о своемъ маневрѣ, помѣщенное въ мемуарахъ, Бонналю не слѣдовало бы приводить такъ свободно, тѣмъ болѣе, что для серьезнаго изслѣдованія мемуары—источникъ совершенно неприемлемый.

При случаѣ и нынѣ могутъ примѣняться армейскіе авангарды, но какъ вспомогательное средство, а не какъ система. При пользованіи такими авангардами необходимо строго сообразоваться съ разстояніемъ и помнить, что далеко выдвинутые впередъ оперативные авангарды рискуютъ быть разбиты по одиночкѣ, въ особенности, если они, какъ настойчиво высказываются во Франціи, захотятъ рѣшать свои задачи наступательно. Мы опасаемся, говорятъ французы (и справедливо), отдѣльнаго боя *тактическихъ* авангардовъ, когда послѣдніе дѣлаются слишкомъ самостоятельными и могутъ, благодаря этому, увлекать главное командованіе на нежелательный путь. При стратегическихъ задачахъ опасность послѣдняго обнаруживается еще сильнѣе. Къ какимъ грубымъ и

безжизненнымъ мыслямъ могутъ привести своихъ послѣдователей обязательные авангарды видно изъ того мѣста Фошовыхъ «Принциповъ войны» (Principes de la guerre), гдѣ говорится о службѣ охраненія въ 5-мъ французскомъ корпусѣ 4-го августа 1870 года!

Нынѣ кавалерія во Франціи включается въ армейскій авангардъ и въ прикрывающіе отряды. Въмѣсто извлеченія изъ Наполеона того опыта, что его кавалерія стратегически давала прямо полный отказъ именно потому, что липла къ своей пѣхотѣ, во Франціи, какъ видно, ошибку возводятъ въ добродѣтель. Изъ Бонналевскаго «Иенскаго маневра» (La manoeuvre d'Iéna) ясно усматривается, какъ думаютъ «по новому» примѣнять кавалерію. Бонналь доказываетъ, что наша (нѣмецкая) кавалерія въ 1870 году потому такъ мало значила, что тогда не было никакихъ армейскихъ авангардовъ. Но онъ-то самъ хочетъ и нынѣ оттягивать кавалерію назадъ за передовые пѣхотные отряды и стратегическую развѣдку возложить на обязанность небольшихъ офицерскихъ развѣздовъ. И у насъ не такъ давно миновало время, когда мы вѣрили, что умѣлые офицерскіе развѣзды произведутъ, какъ слѣдуетъ, необходимую для боя развѣдку; лишь новый полевой уставъ начисто порвалъ со всѣми «мирными» подвигами кавалеріи. Развѣдка есть право сильнѣйшаго, право того, кто прогналъ съ поля непріятельскую армейскую кавалерію. На эту точку зрѣнія французы еще не встали; они не очень вѣрятъ въ побѣду своихъ лихихъ ѣздоковъ надъ нашими нѣмецкими кавалерійскими дивизіями, и поэтому привязываютъ ихъ къ пѣхотѣ. Слѣдовательно, у кавалеріи уменьшается радіусъ ея дѣйствія, а что еще важнѣе, уменьшается довѣріе къ себѣ и чувство отваги. Въ этомъ они очень схожи съ наполеоновскимъ, т. е. съ худшимъ ¹⁰⁾. Ни одинъ безпристрастный историческій изслѣдователь не возьметъ на себя отрицать, что Наполеоновская кавалерія почти всегда пасовала и что Мюратъ, въ качествѣ нашего современнаго кавалерійскаго вождя, былъ бы не пригоденъ. По этому, слѣдуетъ ли оставаться дольше на старой точкѣ зрѣнія, когда уже прошло столѣтіе и выдвинулись Смитъ и Стюартъ?

¹⁰⁾ По мнѣнію Лакруа, «полевая поѣздка офицеровъ генеральнаго штаба» ясно показала, что французская кавалерія сторонится отъ опасности. Также замѣчательно, что на кавалерійскихъ маневрахъ 1907 года не производилось ни одного упражненія въ ночной развѣдкѣ и не придавалось никакого значенія примѣненію кавалеріи въ качествѣ армейской и отправленію сторожевой службы въ независимой кавалеріи.

Законъ стратегическаго обезпеченія (*sûreté stratégique*), признаваемый наиболѣе подходящимъ къ современному учению о боевыхъ операціяхъ, доводитъ французовъ до того, что, вопреки своей первоначальной любви къ продолжительному сосредоточенному положенію арміи на самомъ узкомъ фронтѣ, они высылаютъ значительную часть своихъ силъ по всѣмъ направленіямъ, зачастую безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, возможно ли ихъ своевременно поддержать, только бы прикрыться, чего бы это ни стоило. Такое стремленіе къ выдѣленію частей впередъ приводитъ все болѣе и болѣе къ тому, что наполеоновскаго: «я разсматриваю только массы», больше не чувствуется. Современная французская боязнь неожиданности не наполеоновская; она является отрывкой печальныхъ дней 1870—71 гг. Но эта боязнь сразу уменьшаетъ то, чѣмъ мы восхищаемся въ Наполеонѣ,—быстроту движеній. Наполеономъ ясно указано, что сама по себѣ быстрота движеній есть составная часть стратегическаго обезпеченія. Эта дѣйствительная, но совершенно на особыхъ основаніяхъ покоящаяся обезпеченность наполеоновскаго полководчества послужила для Фоша причиной его сомнительнаго вывода. Онъ говоритъ: «нужно быть всегда обезпеченнымъ, а потому не рискуйте совершать никакого стратегическаго маневра, если вы не освѣдомлены въ полной мѣрѣ о положеніи силъ противника». Это опять, значить, по наполеоновски? Но вѣдь Наполеонъ строилъ свои вѣскія заключенія подчасъ въ обстановкѣ полной неизвѣстности.

Между тѣмъ, по мнѣнію Фоша: «для игры воображенія, для гипотезъ нѣтъ права на существованіе и только на точныхъ данныхъ дѣйствительности можно строить настоящій разумный маневръ» («on n'a pas le droit de substituer aux données de la réalité qui doivent toujours être recherchés, les créations de l'imagination, les hypothèses. Sur ces données seules on peut assoir une manœuvre rationnelle»).

Здѣсь кроется рѣшительная ошибка! Кто хочетъ постоянно ждать до тѣхъ поръ, пока все не станетъ ясно, тотъ всегда опоздаетъ. Безъ *болѣе или меньше условныхъ соотношеній (комбинацій) въ стратегіи не обойтись*. Вѣдь стратегія ничуть не математика, а искусство. Допустимо выжидать, пока ознакомленіе не станетъ «достаточнымъ». Достаточность же дѣло личнаго взгляда и никакое ученіе объ операціяхъ не можетъ прочно установить степень этой достаточности, ибо послѣдняя опредѣляется такими данными, какъ: слухи, донесенія, общее положеніе и т. п.

Затѣмъ Фопъ идетъ дальше и говоритъ: «стратегія, какъ медицина: нынче простой врачъ производитъ операціи, для которыхъ раньше были бы необходимы выдающіеся умы; нынче можно строить свои заключенія на точныхъ данныхъ дѣйствительности (realités); мы стоимъ значительно дальше на пути развитія, чѣмъ Мольтке, который строилъ свои заключенія на гипотезахъ (догадкахъ)». Подобное заключеніе — непростительная ошибка. Стратегія есть искусство и, какъ таковое, состоитъ изъ проникновенности въ существо дѣла и изъ его внѣшняго выраженія. Мы въ наше время нисколько не продвинулись впередъ сравнительно съ Фидіемъ и Рембрандтомъ относительно проникновенности въ сущность изящнаго искусства и сравнительно съ Аннибаломъ и Цезаремъ относительно проникновенности въ сущность стратегіи; только нашъ способъ выраженія сдѣлался инымъ. Быть можетъ Фопъ самъ возьметъ назадъ свою обмолвку, если ему возразить, что вѣдь въ такомъ случаѣ Мольтке, значить, выше Наполеона.

Въ Наполеонѣ мы должны изучать стратегическую проникновенность артиста; при систематическомъ же воспроизведеніи его способа выраженія стратегіи не слѣдуетъ удаляться все болѣе и болѣе отъ его духа. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что французскія изслѣдованія, при всей ихъ блестящей внѣшности и при всемъ ихъ изяществѣ, часто, однако, остаются на поверхности, не входятъ въ глубину человѣческой мысли и «общипываютъ» генія, желая сдѣлать его понятнымъ, вмѣсто того, чтобы обнять его «*вз цѣломъ*» и оставить «*проникновеннымъ*». При этомъ незамѣтно ускользаетъ отъ нихъ духъ общаго цѣлаго и оставшаяся внѣшняя оболочка колеблетъ всю силу доказательствъ».

«И не довернешься бьютъ, и перевернешься бьютъ». Эндресъ безжалостенъ къ французамъ. То онъ ихъ бранилъ за слѣпое подражаніе наполеоновскимъ образцамъ, то здѣсь, въ отдѣлѣ о стратегическомъ обеспеченіи, онъ ими недоволенъ за отклоненіе отъ наполеоновской организаціи отдѣльныхъ кавалерійскихъ корпусовъ. Не вдаваясь въ существо разногласія, необходимо, однако, сказать, что оба, повидимому противоположныя мнѣнія исходятъ отъ тѣхъ же самыхъ наполеоновскихъ уроковъ, понимаемыхъ столь различно. Какъ бы ни были прославлены Смитъ и Стюартъ, въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ того богатства приемовъ и разнообразія театровъ

дѣйствій, какъ у наполеоновской кавалеріи. Въ частности, условія пространства (обширность) и продовольствія (скудость мѣстныхъ средствъ) войны 1812 года для французской кавалеріи нисколько не облегчаты въ будущей войнѣ: на короткѣ кавалерія теперь ничего не сдѣлаетъ, мѣстныхъ запасовъ собирать некогда, да и не найти ихъ нынѣ.

Что касается усвоенной французами системы выдѣленія завѣсы изъ отрядовъ для стратегическаго обезпеченія арміи, что будто бы такая система не наполеоновская, а воспоминаніе о печальныхъ 1870 — 71 годахъ, на это трудно что-либо возразить. Однако, надо имѣть въ виду слѣдующее: 1) у Наполеона все же были случаи обильнаго выдѣленія отрядовъ; 2) опытъ нашей манчжурской войны доказываетъ, что сила сопротивленія у такихъ отрядовъ значительно больше, чѣмъ указано Наполеономъ (онъ полагалъ для десяти тысячной дивизіи всего только 1 часъ изолированія); затѣмъ степень ориентировки о противникѣ для принятія рѣшенія, вообще говоря, повысилась, если судить по опыту нашему и японскому въ ту же войну; къ повышенію этой степени ориентировки явилась цолная возможность вслѣдствіе продолжительности сраженій; 3) кромѣ того, у французовъ имѣется такая особенность въ организаціи обороны страны, какъ поясы укрѣпленій отъ границы Германіи къ Парижу, что ихъ система выдѣленія отрядовъ объясняется, прежде всего, предвидѣніемъ для себя наиболѣе опаснаго случая обороны противъ превосходныхъ силъ на восточной границѣ.

Свое какъ бы заключеніе критикъ приводитъ въ главѣ «*Экономія силъ*».

Наполеонъ на практикѣ слѣдовалъ вѣчно цѣнному правилу, что большее число всегда бьетъ меньшее при другихъ равныхъ условіяхъ. Далѣе онъ указываетъ, что выраженіе «большее» и «меньшее» относится къ силамъ, которыя введены въ дѣло на рѣшительномъ пунктѣ. Онъ не изобрѣтатель этого закона, а его геніальный примѣнитель.

Само собою разумѣется, французское ученіе объ операціяхъ исходитъ изъ этихъ основныхъ мыслей и сознаетъ ихъ научную цѣнность. Вѣроятно, чтобы сохранить престижъ, оно не касается случаевъ, въ которыхъ Наполеонъ отступалъ отъ этого правила.

(Арколе; Бернадотъ передъ Аустерлицемъ; высылка Удино на Берлинъ). Однако, подобные случаи были бы особенно интересны. Соотвѣтственно своей природѣ, французы приписываютъ успѣхи этого правила болѣе соображеніямъ Наполеона, чѣмъ его стратегическому, если такъ можно выразиться, инстинкту. Здѣсь опять сходство съ произведеніями изящнаго искусства. Подлинный виртуозъ владѣетъ такимъ способомъ выраженія мысли (стиль), какого заурядному труженику никогда не достигнуть, какъ бы понятно онъ ни старался излагать свою мысль.

Каждый походъ (кампанія) Наполеона указываетъ на примѣніе закона, который мы могли бы назвать закономъ «экономіи силъ». Наполеонъ стремился на главномъ театрѣ превосходить противника числомъ, а если это почему либо оказывалось невозможнымъ, то хотя бы на томъ мѣстѣ, гдѣ ожидается бой, и, наконецъ, если и этого нельзя, то хотя бы на рѣшающемъ пунктѣ боя. Тоже правило примѣнялось и въ обратномъ смыслѣ, т. е. тамъ, гдѣ Наполеонъ имѣлъ превосходство, онъ искалъ боя. Послѣднее подтверждается всею его жизнью.

Военное искусство состоитъ въ томъ, чтобы, располагая болѣе слабой арміей, чѣмъ у противника, всегда имѣть больше силъ, чѣмъ у него, на пунктѣ, гдѣ его атакуютъ или онъ атакуетъ насъ. (*L'art de guerre consiste à avoir toujours plus de forces que l'adversaire, avec une armée plus faible que la sienne, sur le point où l'on attaque ou sur celui où il vous attaque*).

Достигнуть этого можно, сокращая силы на второстепенныхъ театрахъ до возможнаго минимума и, какъ естественное слѣдствіе, ограничиваясь на нихъ демонстративными операціями сдерживающаго характера.

Въ случаяхъ, когда не имѣется на лицо превосходства, французское ученіе настаиваетъ на уклоненіи отъ боя. Послѣ Ла-Ротьера Наполеонъ послѣдовалъ этому правилу, передъ Лейпцигомъ же, къ своему вреду, пренебрегъ имъ. Что касается Лейпцига, то это заявленіе неправильно. Здѣсь рѣшеніе Наполеона вступить въ бой слѣдуетъ признать наиболѣе правильнымъ, тѣмъ болѣе, если онъ разсчиталъ, что всякій другой маневръ означалъ бы признаніе потери кампаніи и одновременно съ тѣмъ утраты всякаго политическаго вліянія въ Германіи. Возводитъ въ законъ или въ правило—избѣгать столкновенія съ противникомъ при меньшинствѣ въ силахъ неправильно и опасно. Прежде всего, вѣдь не всегда извѣстно на сторонѣ ли противника превосходство или на

нашей! Значить, слѣдуетъ ли ждать, пока это точно выяснится? Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли это первымъ шагомъ къ стратегической зависимости отъ противника? Наконецъ, существуютъ бои, которые, въ силу стратегической, политической, или моральной необходимости, неизбежны и должны даваться при меньшинствѣ въ силахъ.

Демонстраціи считаются важнымъ вспомогательнымъ оперативнымъ средствомъ, но французы нѣсколько преувеличиваютъ значеніе этого способа дѣйствій. Не слѣдуетъ забывать, что демонстрація дѣйствительна до той поры, пока ее не распознаютъ; слѣдовательно, пока она свою численную слабость можетъ маскировать силой натиска. Это скрытіе численной слабости представляется французамъ слишкомъ ужъ легкимъ вообще и особенно для ихъ войсковыхъ авангардовъ и отрядовъ. Будемъ надѣяться что въ будущей войнѣ мы выкажемъ больше энергіи, чѣмъ пруссаки въ 1806 году и австрійцы въ 1809 году, и тогда станемъ язвительно смѣяться надъ слишкомъ высоко вознесшимися надеждами на чудесные подвиги маленькихъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Въ этомъ смыслѣ Фошъ предостерегаетъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій. О духѣ современнаго веденія войны онъ говоритъ: «тутъ конецъ хитростямъ, утонченностямъ, угрозамъ и маневрамъ безъ боя». Въ этомъ онъ находится въ полнѣйшемъ противорѣчій съ Бонналемъ, который насъ, нѣмцевъ, упрекаетъ въ томъ, на чемъ настаиваетъ Фошъ. «Прусская армія не признаетъ тонкостей. Ея стратегическія и тактическія фразы составлены изъ нѣсколькихъ словъ, всегда однихъ и тѣхъ же, и приходится сказать, что ея способъ дѣйствій первобытно простъ» (*l'armée prussienne ignore les feintes. Les phrases stratégiques et tactiques se composent de quelques mots, toujours les mêmes, autant dire que son art est rudimentaire*).

А вотъ Наполеонъ, который мастерски владелъ экономіей силъ, который иногда добивался демонстраціями стратегическихъ цѣлей, въ концѣ концовъ сказалъ такъ: «если я когда-либо изложу правила (принципы) войны, всѣ удивятся ихъ простотѣ (*si jè rédigeais un jour les principes de la guerre, on serait étonné de leur simplicité*).

Съ расужденіями Эндреса относительно экономіи силъ необходимо сопоставить слова, приведенныя Наполеономъ: «одерживая побѣды безъ опасенія за неуспѣхъ, получаютъ и триумфъ безъ славы» (a vaincre sans péril on triomphe sans gloire ¹¹).

Это изреченіе доказываетъ, что превышеніе численностью для «славной» побѣды имѣетъ извѣстный предѣлъ. А вѣдь «славная» побѣда и есть наилучшій результатъ примѣненія военного искусства! Выходить, по мысли Наполеона, что отсутствіе въ борьбѣ равенства силъ и опасенія за неуспѣхъ какъ бы унижаетъ военное искусство; дѣйствительно, такого рода «безопасная» борьба приближается или къ карательному воздѣйствию (смертной казни) или къ простому убійству. Да и тѣ слова Наполеона, на которыя ссылается Эндресъ въ доказательство преимущественнаго значенія численнаго превосходства, относятся къ случаю, когда одна изъ сторонъ располагаетъ болѣе слабой (чѣмъ у противника) арміей. Сдѣлать изъ арміи, слабѣйшей численно, армію сильнѣйшую по натиску, вотъ задача военного искусства. Но, надо согласиться, это далеко не равносильно тому, что большое число бьетъ меньшее—правило, приписываемое Наполеону. Скорѣе надо бы сказать такъ, что войска должны ставиться въ положеніе, при которомъ они обнаруживаютъ наибольшую сумму полезныхъ для побѣды усилій; восхвалять же одно только численное превосходство значитъ отрицать искусство. Впрочемъ Эндресъ самъ себя поправляетъ, когда возражаетъ французамъ на ихъ мысль объ обязательномъ уклоненіи отъ боя при меньшинствѣ въ силахъ. Одерживать побѣду при меньшинствѣ въ силахъ—такъ надо опредѣлить то, что Эндресъ называетъ экономіей силъ. Подобная побѣда врядъ ли будетъ проста. Наполеонъ, говоря «если я когда-либо изложу правила войны, всѣ удивятся ихъ простотѣ»—не даль, однако, этихъ *простыхъ* правилъ. И, кажется, что Эндресъ напрасно приведенными словами Наполеона какъ-бы оправдываетъ отмѣченную французами бѣдность (однообразіе) военныхъ мыслей у нынѣшнихъ нѣмцевъ. То, что казалось просто Наполеону, являлось простотою генія, претендовать на которую едва ли удобно даже нѣмцамъ. Всетаки они обыкновенные люди, а таковыми воен-

¹¹) Correspondance XXXII, стр. 146.

ное искусство (веденіе войны) не можетъ истолковываться безошибочно и «очень просто».

Въ приведенномъ разборѣ нѣмецкимъ писателемъ французскихъ толкованій полководца Наполеона нѣкоторыя области стратегіи затронуты лишь слегка, о тактическомъ же веденіи боя не говорится совсѣмъ; этому вопросу обѣщано посвятить особую статью. Несмотря, однако, на подобные пропуски, мнѣніе Эндреса обрисовывается довольно опредѣленно.

Прежде всего это мнѣніе исходитъ изъ того, что нѣмцамъ, будто бы, доступенъ взглядъ на Наполеона «въ цѣломъ» и они не нуждаются уже въ наполеоновскихъ изреченіяхъ, касающихся того или иного отдѣльнаго боевого случая. Между тѣмъ извѣстно, что на нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ перевода письменныхъ трудовъ Наполеона во всей ихъ полнотѣ и систематическомъ порядкѣ, и съ мыслями этого великаго полководца нѣмцы знакомы, главнымъ образомъ, по толкованію Клаузевица ¹²⁾.

Но генія нельзя «общипывать», какъ говоритъ самъ же Эндресъ.

Всякій геній въ отношеніи оставшихся послѣ него памятниковъ—величина самодовлѣющая; Наполеонъ же въ особенности. Онъ не только творецъ дѣлъ, онъ ихъ описыватель и критикъ другихъ великихъ полководцевъ. Въ разборѣ этихъ послѣднихъ онъ даетъ критическую мѣрку—замѣчаніями на ихъ войны; нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній онъ прямо называетъ «правилами» (principes) войны. Эта мѣрка чрезвычайно помогаетъ понимать дѣятельность самого Наполеона, самостоятельно, безъ посредства комментаторовъ, всегда болѣе или менѣе искажающихъ природу разбираемаго ими виртуоза. У насъ нѣтъ возможности добыть истинный рецептъ генія, но, рѣшая свои военные дѣла, мы должны

¹²⁾ Потому что позднѣйшіе истолкователи Наполеона въ Германіи исходятъ изъ Клаузевица. И Гюркъ въ своемъ «Napoleon als Feldherr» и Фрейтагъ-Лорингофенъ въ «Die Heerführung Napoleons in ihrer Bedeutung für unsere Zeit»—также слѣдуютъ за Клаузевицемъ.

призывать на помощь мысли и слова гениальнаго въ этой области человѣка; отказываться отъ подобнаго призыва врядъ ли благоразумно только потому, что тутъ нужна нѣкоторая систематическая работа—сводка этихъ мыслей и словъ.

Французы горячо принялись за подобную систематическую работу, и въ ней далеко продвинулись впередъ. По обилію мыслей, по богатству историческихъ примѣровъ и подтверждающихъ ихъ изреченій великаго человѣка войны—французская военная литература послѣдняго времени безусловно первая въ мірѣ. Во Франціи исчезла теперь наполеоновская легенда, но воцарилось научное уваженіе къ гениальному корсиканцу. О немъ не собираютъ больше сплетенъ и анекдотовъ, а прямо и открыто говорятъ съ нимъ самимъ; это легко исполнимо, благодаря обширной *Correspondance* Наполеона.

Нѣтъ никакой возможности согласиться съ Эндресомъ, что французы будто-бы скользятъ по поверхности наполеонизма. Французы отделились со всею своей страстностью наполеонизму, это вѣрно. Нельзя ихъ упрекать за подобный порывъ, ибо нѣтъ другого великаго полководца, изученіе котораго было бы болѣе доступно по богатству оставленныхъ матеріаловъ и подлинныхъ великополководческихъ мыслей и словъ.

Именно съ точки зрѣнія главенства подлинныхъ великополководческихъ словъ въ дѣлѣ постиженія военнаго искусства важно изреченіе нашего Суворова о томъ, какъ сдѣлаться полководцемъ: «выбери себѣ героя, иди за нимъ, догоняй его, поровняйся съ нимъ, обгони его; я выбралъ Цезаря». Во времена нашего непобѣдимаго чародѣя битвъ, Цезарь былъ наиболѣе доступнымъ для пониманія великимъ полководцемъ, потому что о немъ имѣлись письменные слѣды полнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ о другихъ людяхъ войны, ему подобныхъ—его собственныя «комментаріи».

Начни жить Суворовъ въ наши дни, могъ ли бы онъ считать дѣйствительными какія-либо другія правила войны, кромѣ подлинно наполеоновскихъ, въ ихъ не переименованномъ видѣ?

Предлагая вниманію читателей разборъ одного нѣмецкаго, можетъ быть недостаточно широкаго, взгляда на наполеоновскую военную французскую литературу, имѣлось въ виду, что пониманіе наполеоновскаго полководчества, въ какой бы внѣшней формѣ оно ни выражалось, всегда должно отмѣчаться съ особеннымъ вниманіемъ. Слишкомъ великъ слѣдъ Наполеона въ военномъ иску-

ствѣ, чтобъ пренебрегать имъ или относиться къ нему слегка; да и на почвѣ какихъ идей, кромѣ наполеоновскихъ, лучше всего возвращать начальниковъ, могущихъ дать побѣдный исходъ накопленнымъ за долгій періодъ мира миллионнымъ арміямъ современной Европы?

Н. Жудряцевъ.

